

Полуночный танец дракона (сборник)

Автор:

Рэй Брэдбери

Полуночный танец дракона (сборник)

Рэй Дуглас Брэдбери

Интеллектуальный бестселлер

Жизнь – это сделка с Богом, за которую надо платить.

Старый трамвай везет гуляк из танцевального зала – в прошлое.

Пьяный киномеханик путает местами части фильма – и тот получает в Каннах «Золотую пальмовую ветвь».

От современного классика американской литературы – двадцать пять историй о любви и смерти.

Рэй Брэдбери

Полуночный танец дракона (сборник)

Дональду Харкинсу, дорогому другу, с любовью и нежной памятью

Эта книга посвящается с любовью и благодарностью Форесту Дж. Аккерману, который выгнал меня из школы и привел на стезю писательства в далеком 1937 году

День первый

Во время завтрака Чарльз Дуглас заглянул в свежую газету и застыл, увидев дату. Он откусил еще кусочек гренка, вновь покосился на дату и отложил газету в сторону.

- Господи... - произнес он вслух.

Его жена Элис удивленно подняла на него глаза.

- Что с тобой?

- Неужели ты не понимаешь? Сегодня четырнадцатое сентября!

- Ну и что?

- Как - что? Сегодня первый день школьных занятий!

- Повтори еще раз, - попросила она.

- Сегодня начинаются занятия, летние каникулы закончились, все вернулись в школу - знакомые лица, старые приятели...

Он поднялся из-за стола, чувствуя на себе взгляд Элис.

- Я тебя не понимаю, - сказала она.

- Сегодня первый день занятий, неужели непонятно?

- Но к нам-то какое это имеет отношение? - изумилась Элис. - У нас нет ни детей, ни знакомых учителей, ни друзей, дети которых учились бы в школе.

- Все это так, - ответил Чарли странным голосом и вновь взял в руки газету. - Но я кое-что обещал...

- Обещал?! Кому?

- Нашим ребятам, - ответил он. - Много-много лет тому назад. Который сейчас час?

- Половина восьмого.

- Надо поторапливаться, иначе мне туда не поспеть.

- Выпей еще чашечку кофе и возьми себя в руки. Ты выглядишь просто ужасно.

- Я только что об этом вспомнил! - Он следил за тем, как она наливает кофе в его чашку. - Я обещал. Росс Симпсон, Джек Смит, Гордон Хейнз. Мы поклялись друг другу в том, что встретимся в первый день занятий ровно через пятьдесят лет после окончания школы.

Его супруга опустила на стул и отставила кофейник в сторону.

- Стало быть, эту клятву вы дали в сентябре тридцать восьмого года?

- Да, это было в тридцать восьмом.

- Да вы просто болтались да языками чесали с Россом, Джеком и этим твоим...

- Гордоном! И вовсе мы не просто чесали языками. Все прекрасно понимали, что, покинув школьные стены, мы можем не встретиться уже никогда, и тем не менее поклялись во что бы то ни стало встретиться четырнадцатого сентября восемьдесят восьмого года возле флагштока, который стоит перед входом в школу.

- Вы дали такую клятву?

- Да, да - мы дали страшную клятву! Я же сижу и болтаю с тобой, вместо того чтобы мчаться к условленному месту!

- Чарли, - покачала головой Элис, - до твоей школы сорок миль.

- Тридцать.

- Пусть даже тридцать. Если я правильно тебя поняла, ты хочешь поехать туда и...

- Я хочу успеть туда до полудня.

- Ты знаешь, как это выглядит со стороны, Чарли?

- Меня это нисколько не волнует.

- А что, если ни один из них туда не приедет?

- Что ты хочешь этим сказать? - насторожился Чарли.

- А то, что только болван вроде тебя может свихнуться настолько, чтобы верить...

- Они дали слово! - вспыхнул он.

- Но с той поры прошла целая вечность!

- Они дали слово!

- За это время они могли передумать или попросту забыть.

- Они не забыли!

- Но почему?

- Потому что они были моими лучшими друзьями, каких не было никогда и ни у кого!

- Бог ты мой, - вздохнула Элис. - Какой же ты все-таки наивный.

- Я наивный? Но я-то вспомнил, чего бы им тоже не помнить?

- Таких психов, как ты, днем с огнем не сыщешь.

- Спасибо за комплимент.

- Разве не так? Во что ты превратил свой кабинет! Все эти паровозики фирмы «Лайонел», машинки, плюшевые игрушки, старые афиши!

- Ну и что?

- А эти бесконечные папки, набитые письмами, полученными еще в сороковые, в пятидесятые или в шестидесятые годы!

- Это особые письма.

- Для тебя - да. Но неужели ты полагаешь, что твои адресаты так же дорожат твоими письмами?

- Я писал отменные письма.

- Не сомневаюсь. Но ты попроси своих корреспондентов прислать твои старые письма. Много ли ты их получишь?

Он промолчал.

- Какая чушь! - фыркнула Элис.

- Прошу тебя, никогда не произноси таких слов.

- Разве это ругательство?

- В данном случае да.

- Чарли!

- Ну что еще?

- Помнишь, как ты понесся на тридцатилетие вашего драматического кружка, надеясь увидеть какую-то там полоумную Сэлли, которая тебя не только не узнала, но даже и не вспомнила?

- Ладно тебе.

- Боже мой... - вздохнула Элис. - Ты только не подумай, что я решила испортить тебе праздник. Просто я не хочу, чтобы ты расстраивался понапрасну.

- У меня толстая кожа.

- Да неужели? Говоришь о слонах, а охотишься на стрекоз.

Чарли поднялся из-за стола и гордо выпрямил спину.

- Идет великий охотник, - произнес он.

- Как же, как же...

- Мне пора.

Она проводила его взглядом.

- Я ушел, - сказал напоследок Чарли и захлопнул за собой дверь.

Господи, подумал он, такое чувство, будто вот-вот наступит Новый год.

Он нажал на педаль газа, немного отпустил и вновь утопил ее и медленно поехал по улице, пытаясь собраться с мыслями.

Или, может, думал он, такое чувство возникает в канун Дня Всех Святых, когда веселье заканчивается и гости расходятся по домам.

Он ехал с постоянной скоростью, то и дело поглядывая на часы. Времени у него было еще достаточно.

А что, если Элис права и он отправился в никуда, пытаюсь поймать журавля в небе? И вообще, почему эта встреча кажется ему такой важной? Разве он хоть что-нибудь знает о тогдашних своих приятелях? Ни писем, ни звонков, ни встреч – хотя бы по чистой случайности, ни некрологов. Подумай-ка о последнем и прибавь газу! Господи, не могу дождаться! Он громко рассмеялся. Когда ты в последний раз испытывал подобные чувства? В ту далекую пору, когда был совсем еще ребенком и вечно чего-то ждал. Рождество? До него миллион миллионов миль! Пасха? Полмиллиона. Хэллоуин? Тыквы, беготня, крик, стук, звонки, пахнувшая картоном теплая маска. День Всех Святых! Самый лучший праздник на свете. С той поры прошла уже вечность. А как он ждал четвертого июля[1 - А как он ждал четвертого июля! – День независимости США, общегосударственный праздник (4 июля 1776 г. была подписана Декларация независимости США).]! Проснуться раньше всех, выскочить полуодетым на лужайку перед домом и первым поджечь шестидюймовые шутихи, от треска которых тут же проснулся бы весь город. Эгей, вы слышите? Это я! Четвертое июля... Он просто сгорал от нетерпения.

И так каждый день. Дни рождения, поездки на озеро, вода которого оставалась холодной даже в жару, фильмы с Лоном Чейни, горбун Квазимодо и призрак оперы[2 - ...фильмы с Лоном Чейни, горбун Квазимодо и призрак оперы. – Лон Чейни (Алонсо Чейни, 1883–1930) – знаменитый характерный актер немого кинематографа США, прозванный «человеком с тысячью лиц»; будучи сыном глухонемых родителей, с детства занимался пантомимой. Наиболее известные роли – Квазимодо в «Соборе Парижской Богоматери» (1923), призрак оперы в «Призраке оперы» (1925). Его сын Лон Чейни-мл. (Крейтон Чейни, 1907–1973) также снимался в кино, преимущественно в фильмах ужасов.]. Попробуй тут дождись. Пещеры на склоне оврага, знаменитые фокусники... Скорее бы. Скорее. Зажги бенгальский огонь! Ждать уже невмоготу.

Он вел свою машину, вглядываясь в дали Времени.

Теперь уже недалеко. Недолго. Старина Росс. Дружище Джек. Чудила Гордон. Ребята. Кто с нами сладит? Три мушкетера. Вернее, не три – четыре.

И все как на подбор. Самый старший, конечно же, красавец Росс. Он никогда не кичился своей редкостной сообразительностью и без малейшего усилия

переходил из класса в класс. Росс читал запоем и слушал по средам передачи Фреда Аллена[3 - ...слушал по средам передачи Фреда Аллена... - Фред Аллен (Джон Флоренс Салливен, 1894-1956) - американский юморист, начинал в водевиле; на радио (Си-би-эс) с 1932 г., собственную программу вел в 1934-1949 гг.], а на следующий день повторял им все самые лучшие его шутки. Его родители жили очень бедно, но он всегда поражал друзей своей опрятностью. Один хороший галстук, один хороший пояс, не знающее сносу пальто и единственные, но всегда идеально выглаженные брюки. Старина Росс. Он самый.

Джек, будущий писатель, что собирался покорить и потрясти весь этот мир. В карманах его куртки лежали шесть ручек и желтый блокнот, все, что нужно, чтобы перестейнбечить Стейнбека[4 - Стейнбек, Джон (1902-1968) - американский писатель, автор романов «О мышах и людях» (1937), «Гроздь гнева» (1939), «К востоку от Рая» (1952), «Зима тревоги нашей» (1961) и др., лауреат Нобелевской премии по литературе 1962 г.]. Дружище Джек.

И Гордон, Гордон, сражавший наповал всех окрестных девиц, ловивших каждый его взгляд, каждое его движение.

Росс, Джек и Гордон - друзья что надо.

То медленно, то быстро - теперь потише.

А что же я? Достаточно ли я сделал и сделал ли я хоть что-нибудь стоящее? Десяносто рассказов, шесть романов, фильм, пять пьес - совсем недурно. Хотя о чем я? Пусть лучше говорят они, не я. Я же буду слушать.

Интересно, о чем мы станем говорить, увидев друг друга возле флагштока? Привет. Здорово. Кого я вижу! И как же ты жил все это время? Ну а здоровье как? Давай-давай - выкладывай все как есть. Жена, дети, внуки...

Ты ведь писатель, верно? Так напиши же что-нибудь приличествующее случаю. Стихи, что ли... Нет-нет, с ними они меня тут же пошлют куда подальше. «Я вас люблю, люблю вас всех...» Нет. «Я вас люблю, люблю безмерно...»

Он поехал еще медленнее, вглядываясь в проплывавшие мимо тени.

А если они вообще не появятся? Хотя нет. Должны. А уж если появятся, значит, все у них в порядке, ведь так? Такие ребята, как они, если жизнь сложилась неудачно, ну там брак оказался несчастливый, зови их, не зови – они не придут. А если все тип-топ, ну абсолютно, недосыгаемо хорошо – вот тогда они явятся. И это будет доказательством, правда? Все у них прекрасно, так что в самый раз вспомнить дату и прибыть. Так или не так? Так!

Он прибавил газу, уверенный, что все уже собрались. Затем снова поехал медленно, уверенный, что никого нет. Что за дьявольщина, о боже, что за дьявольщина!

Чарли остановил машину прямо перед школой. Место для парковки нашлось на удивление быстро. Возле флагштока стояли всего несколько молодых людей. Ему хотелось, чтобы их было куда больше, чтобы скрыть прибытие его друзей; им бы не понравилось, если бы их появление было бы тотчас обнаружено, не так ли? Ему бы не понравилось. Он бы предпочел, не замеченный никем, долго протискиваться сквозь толпу и только в последний момент появиться перед флагштоком, к вящему изумлению своих друзей.

Он не решался открыть дверцу до той поры, пока множество высыпавших из школы и болтавших без умолку юношей и девушек не собрались неподалеку от флагштока. Теперь вновь пришедший останется незамеченным, какого бы возраста он ни был. Чарли вылез из машины и сразу же чуть не вернулся, боясь оглядеться, боясь убедиться в том, что никого нет, никто не пришел, никто не вспомнил и вообще вся затея дурацкая. Он преодолел искушение вскочить обратно в машину и умчаться.

Прямо возле флагштока не было никого, только группа молодежи стояла в некотором отдалении.

Он смотрел и смотрел, как будто взглядом мог заставить кого-то сдвинуться, подойти к нему, может быть, прикоснуться. Его сердце упало, он заморгал и собрался уйти.

И тут, тут он увидел тяжело ковылявшего в его сторону человека.

Это был старик с седыми волосами и с бледным лицом.

В следующее мгновение он увидел еще двух стариков.

Господи, подумал он, неужто это они? Вспомнили? И что дальше?

Старики выстроились широким кругом и молча застыли.

Росс, думал он, это ты? А рядом Джек, да? И последний. Гордон?

Они смотрели на него с таким же недоумением, с каким смотрел на них и он.

Стоило Чарли чуть-чуть склониться, как склонились и они. Стоило ему сделать маленький шаг, как они послушно ответили на него такими же маленькими шажками. Чарли заглянул в глаза каждому из них, встретился с ними взглядом. И тогда...

И тогда он отступил назад. Немного подумав, отступили назад и они. Чарли ждал. Они тоже ждали. На верхушке флагштока хлопал на ветру школьный флаг.

Раздался звонок. Обеденный перерыв закончился. Школьники стали расходиться по классам, двор опустел.

Лишившись этой все маскирующей толпы, они продолжали стоять в пятидесяти – шестидесяти футах друг от друга по разные стороны флагштока, как указатели четырех направлений компаса ясного осеннего дня. Кто-то из них, возможно, облизнул губы, кто-то моргнул, кто-то переступил с ноги на ногу. Ветер перебирал их седые волосы. Раздался еще один звонок, последний.

Его губы шевелились, но он не произносил ничего. Шепотом, слышным только ему самому, повторял он их имена, их удивительные имена, любимые имена.

Чарли не решал ничего. Его ноги задвигались сами собой, и в следующее мгновение его тело развернулось, сделав пол-оборота. Он отступил на полшага и встал в стороне.

На большом расстоянии от него под нестихающим полуденным ветром повернулись, отступили на шаг и замерли в ожидании чужаки – один, за ним другой и третий.

Ему хотелось пойти вперед, к ним, тело же тянуло его назад, к машине. Снова он не решал ничего. Его ноги опять задвигались сами, и башмаки тихо понесли его прочь.

То же самое происходило с телами, ногами и башмаками незнакомцев.

Они двигались в разных направлениях, украдкой поглядывая на забытый всеми, одиноко развевавшийся на ветру стяг и на опустевшую площадку перед школой и прислушиваясь к доносящимся изнутри оживленным голосам, смеху и звукам от расставляемых по местам стульев.

Они двигались, оглядываясь на флагшток.

Он почувствовал странное покалывание в правой руке, как будто она хотела подняться. Он приподнял руку и взглянул на нее.

И тогда футах в шестидесяти от него, по другую сторону флагштока, один из незнакомцев, украдкой взглянув, тоже поднял руку и слегка помахал ею. Стоящий в стороне другой старик, увидев это, повторил жест, за ним третий.

Он наблюдал, как его рука, ладонь, кончики пальцев посылают последний прощальный жест. Он смотрел на свою руку и поверх нее на стариков.

Господи, подумал он, я ошибся. Это не первый школьный день. Последний.

Судя по запаху, доносившемуся с кухни, Элис готовила что-то вкусное.

Он остановился в дверях.

– Привет, – слышался ее голос. – Входи, дай ногам отдохнуть.

- Да-да, - кивнул он и прикрыл за собой дверь.

Войдя в гостиную, увидел на накрытом к обеду столе их лучшую столовую посуду и серебро, праздничные салфетки и горящие свечи, которые прежде зажигались только по вечерам. Элис смотрела на него с порога кухни.

- Откуда ты знала, что я вернусь так быстро?

- А я и не знала. Я увидела, как ты подъехал. Яичница с беконом будет готова через минуту-другую. Может быть, ты все-таки присядешь?

- Неплохая идея, - ответил Чарли, опустив руку на спинку стула. - Именно это я и сделаю.

Он сел за стол. Элис чмокнула его в лоб и вновь убежала на кухню.

- Ну и как?

- Что «как»?

- Как она прошла?

- Кто «она»?

- Сам знаешь. Ваша встреча, великий день. Эти ваши клятвы. Кто-нибудь хоть пришел?

- Ясное дело, - сказал он. - Все явились, - добавил он.

- Выкладывай все начистоту.

Она вышла из кухни, неся в руках сковородку с яичницей, и посмотрела на него испытующе.

- Поговорили?

- Я? - Он склонился над столом. - О да, конечно.

- Ну что, нашли о чем поговорить?

- Мы...

- Ну, так как?

Чарли не мигая смотрел в пустую тарелку, чувствуя, как на глаза его навернулись слезы.

- Еще бы! - воскликнул он громко. - Заболтались до одури!

Пересадка сердца

- Хотел бы я - что? - переспросил он, лежа расслабленно в темноте, с глазами, обращенными к потолку.

- Ты меня слышал, - сказала она, так же расслабленно лежа рядом с ним, держа его за руку и тоже глядя на потолок, но пристальнее, будто пытаясь что-то там рассмотреть. - Ну так как?

- Повтори, пожалуйста.

- Хотел бы ты, если бы мог, снова влюбиться в свою собственную жену?

- Станный вопрос.

- Не такой уж и странный. Этот мир является лучшим из всех возможных миров, если все в нем идет, как надо. А надо ведь, чтобы влюбленность возникала вновь и чтобы люди жили потом счастливо, верно? Я вспоминаю, как безумно ты был влюблен в Энн.

- «Безумно» - не то слово.

- Ты никогда не забудешь об этом?

- Никогда. Это точно.

- Тогда, значит, верно, ты бы хотел...

- Уместнее спросить, мог бы?

- Забудь ты об этом «мог бы». Представь на минуту, что все изменилось и твоя жена вновь стала такой же, какой она была много-много лет назад... Что тогда?

Он слегка приподнялся в постели и, опершись на локоть, удивленно посмотрел на нее.

- Странное у тебя сегодня настроение. Что случилось?

- Не знаю. Может быть, вся беда в том, что завтра мне исполнится сорок, а тебе через месяц будет сорок два. Если мужчины сходят с ума в сорок два года, то почему это не может происходить с женщинами двумя годами раньше? А может быть, я подумала: какой стыд! Как стыдно, что люди не могут полюбить друг друга так, чтобы пронести эту любовь через всю свою жизнь, и вместо этого начинают искать кого-то другого... Как стыдно!

Он коснулся пальцами ее щеки и почувствовал влагу.

- Господи, ты плачешь!

- Немножко. Все это так грустно. Мы. Они. Все. Печально. Неужели так было всегда?

- Я думаю, да. Просто об этом не принято говорить.

- Как я завидую людям, жившим сто лет назад...

- Не говори о том, чего не знаешь. И тогда было ничуть не лучше.

Он стер поцелуями слезы с ее глаз.

- Ты можешь сказать, что случилось?

Она села, не зная, куда девать руки.

- Ужас какой. Ни ты, ни я не курим. Герои фильмов и книг в таких ситуациях всегда курят. - Она скрестила руки на груди. - Мне вспомнился Роберт и как я была без памяти влюблена, и чем я тут с тобой занимаюсь, вместо того чтобы сидеть дома и думать о своем тридцатисемилетнем супруге, который больше похож на ребенка...

- И что же?

- Мне вспомнилась и Энн, как она мне действительно, по-настоящему нравилась. Какая она удивительная...

- Я стараюсь о ней не думать. В любом случае, она не ты.

- А что, если бы она стала мной?

Она обхватила руками колени и заглянула ему в глаза.

- Не понял?

- Если бы все, что она утратила и что ты нашел во мне, вернулось бы к ней? Хотел бы ты, мог бы ты тогда снова влюбиться в нее?

- Да, самое время закурить... - Он опустил ноги на пол и отвернулся от нее, уставившись в окно. - Что толку задавать вопрос, на который нет и никогда не будет ответа?

- В этом все дело, правда? - продолжала она, обращаясь к его спине. - У тебя есть то, чего не хватает моему супругу, а у меня - то, чего недостает твоей жене. Похоже, нам нужно произвести двойную пересадку души. Вернее так - двойную пересадку сердца!

Она то ли всхлипнула, то ли рассмеялась.

- Неплохой сюжет для рассказа, для романа или фильма.

- Это сюжет нашей собственной жизни, и мы погрязли в нем без надежды выбраться, разве только...

- Что «только»?

Она встала и беспокойно зашагала по комнате, потом подошла к окну и, подняв голову, посмотрела на усыпанное звездами летнее небо.

- В последнее время Боб стал вести себя так же, как в самом начале нашей совместной жизни. Он стал таким хорошим, таким добрым...

- Какой кошмар. - Он тяжело вздохнул и закрыл глаза.

- Вот именно.

Установилось долгое молчание. Наконец он произнес:

- Энн тоже стала вести себя куда лучше.

- Какой кошмар. - Она на миг зажмурилась и вновь посмотрела на звезды. - Как это там? «Превратись желание в коня, сколько бы коней имел бедняк!»

- Опять не возьму в толк, о чем ты, - и ведь не первый раз за эти несколько минут!

Она подошла к кровати, опустилась на колени и, взяв его за руки, посмотрела ему в лицо.

- Моего мужа и твоей жены сегодня в городе нет: он уехал в Нью-Йорк, она - в Сан-Франциско. Верно? Мы проведем эту ночь здесь, в гостиничном номере. - Она на миг задумалась, пытаясь найти нужные слова. - Но что, если, прежде чем заснуть, мы загадаем желания - я для тебя, ты для меня?

- Загадаем желания? - Он рассмеялся.

- Не смейся. - Она коснулась его руки. Он перестал смеяться. Она продолжила: - Мы попросим Бога, и граций, и муз, и волшебников всех времен, и кого там еще, чтобы, пока мы спим, свершилось чудо, чтобы... - Она остановилась на мгновение и вновь продолжила: - Чтобы мы полюбили снова: ты - свою жену, я - своего мужа.

Он промолчал.

- Вот и все, что я хотела сказать.

Он потянулся к прикроватному столику, нащупал на нем коробок и зажег спичку, чтобы осветить ее лицо. В глазах ее он увидел огонь. Он вздохнул. Спичка погасла.

- Будь я проклят, ты это всерьез, - прошептал он.

- Да, и ты тоже. Попытаемся?

- Боже мой...

- Оставь Бога в покое, я не сошла с ума!

- Послушай...

- Нет, это ты послушай. - Она снова взяла его руки и крепко сжала. - Для меня. Ты сделаешь это для меня? А я сделаю то же самое для тебя.

- Ты хочешь, чтобы я загадал желание?

- Мы часто делали это в детстве. Иногда эти желания исполняются. Впрочем, в этом случае они перестают быть обычными желаниями и становятся чем-то вроде молитв.

Он опустил глаза.

- Я не молюсь вот уже много лет.

- Это не так. Сколько раз ты хотел вернуться в то время, когда вы только-только поженились? Это были молитвы. Только ты каждый раз считал подобные надежды несбыточными, и молитвы оставались безответными.

Он нервно сглотнул.

- Не говори ничего, - сказала она.

- Но почему?

- Потому что сказать тебе сейчас нечего.

- Хорошо, я помолчу. Дай мне немного подумать... Скажи, ты хочешь... ты действительно хочешь, чтобы я загадал желание за тебя?

Она опустилась на пол, из закрытых глаз по ее щекам струились слезы.

- Да, любимая, - сказал он мягко.

Было три часа утра, и все было сказано, и они выпили по стакану горячего молока и почистили зубы, и он увидел, выйдя из ванной, что она расстилает постель.

- И что же я теперь должен делать? - спросил он.

Она обернулась:

- Прежде мы это знали. Теперь - нет. Иди сюда.

Она похлопала по дальней стороне кровати.

Он обогнул кровать.

– Я чувствую себя как-то глупо.

– Скоро ты будешь чувствовать себя куда увереннее.

Он лег под одеяло, скрестил руки поверх него и опустил голову на взбитую подушку.

– Так, что ли?

– Все правильно. Теперь сосредоточься.

Она погасила свет, легла на свою половину кровати и взяла его за руку.

– Ты чувствуешь усталость и хочешь спать?

– Честно говоря, да.

– Вот и прекрасно. Главное – сохранять серьезность. Ничего не говори, только думай. Ты знаешь о чем.

– Знаю.

– Закрой глаза. Так. – Она тоже закрыла глаза, и теперь они лежали, взявшись за руки, и не было слышно ничего, кроме их дыхания. – Теперь вдохни, – прошептала она.

Он послушно вдохнул.

– Выдохни.

Он сделал выдох.

Она тоже выдохнула.

– Так, – еле слышно прошептала она. – Начали! Загадывай желание!

Прошло тридцать секунд.

- Загадал? – спросила она негромко.

- Загадал, – ответил он еле слышно.

- Замечательно, – сказала она. – Спокойной ночи!

Примерно через минуту в темной комнате вновь почти неслышно прозвучал его голос:

- Прощай.

Он проснулся без видимой на то причины и попытался припомнить свой сон. То ли земля закачалась у него под ногами, то ли где-то далеко-далеко, за десять тысяч миль от города, где он жил, произошло землетрясение, которого никто не почувствовал, то ли над миром пронеслась весть о втором пришествии Христа, которой оглохший мир так и не внял, то ли луна влетела в комнату и, мгновенно изменив не только ее, но и их тела и лица, остановилась так резко, что от внезапно наступившей тишины его глаза широко открылись. И уже в момент пробуждения он знал, что на улице сухо, дождя нет и тихие звуки, которые он слышит, – это плач.

И еще он знал, что загаданное им желание исполнилось.

Конечно же, он осознал это далеко не сразу. Он почувствовал это, догадался об этом по невероятному, новому ощущению тепла, исходившего от прелестной женщины, лежащей рядом. А еще по ее ровному, спокойному дыханию. Волшебство свершилось среди сна, праздник уже будоражил ее кровь, хотя она еще не пробудилась, чтобы осознать это. Но сон ее знал уже все и нашептывал об этом с каждым ее выдохом.

Он осторожно приподнялся на локте, боясь поверить предчувствию. Склонившись, он вглядывался в ее лицо, ставшее еще прекраснее, чем раньше.

Лицо это было исполнено уверенности и покоя. Ее губы изогнулись в улыбке. Будь ее глаза открыты, они наверняка сияли бы неземным светом.

Проснись, хотелось сказать ему. Я знаю о твоём счастье. Теперь о нём должна узнать и ты. Проснись же.

Он хотел коснуться ее лица, но в последний момент отвел руку в сторону.

Заметив, что ее веки дрогнули, он поспешил лечь на свою половину кровати и закрыть глаза. Через какое-то время он услышал, как она села и, тихо вскрикнув от радостного изумления, тихонько коснулась его лица. Ей открылось то, что несколькими минутами ранее стало ведомо и ему.

Она поднялась с постели и стала носиться по комнате подобно птице, пытающейся вырваться из клетки. Она снова и снова подбегала к нему, чтобы поцеловать его в щеку, она смеялась, она пела. Он услышал, как она перешла в гостиную, взяла телефонную трубку и набрала чей-то номер.

– Роберт? – услышал он ее голос. – Боб? Где ты? Впрочем, о чем я? Какая глупость! Я прекрасно знаю, где ты сейчас находишься. Боб, ответь мне, могу ли я прилететь к тебе прямо сегодня? Я тебе точно не помешаю? Ты спрашиваешь, что на меня нашло? Не знаю. Не спрашивай. Так можно или нет? Скажи «да»!.. О, чудесно! До встречи!

Она повесила трубку.

Через какое-то время она вернулась в комнату и, присев на краешек кровати, стала торопливо одеваться. Он открыл глаза и взял ее за руку.

– Что-то произошло, – прошептал он.

– Да.

– Желание исполнилось.

– Ну не чудо ли? Это невозможно, но произошло! Почему? Как?

– Мы оба верили, что так оно и будет, – сказал он еле слышно. – Я искренне желал тебе счастья.

– Аятебе! Мы оба проснулись совершенно другими людьми! Как это замечательно! Представь, что было бы, если бы изменилась только я или только ты!

– Даже думать об этом страшно, – согласился он.

– Нет, правда, это чудо? – сказала она. – Мы желали так сильно, что кто-то, или что-то, или сам Бог услышал наши мольбы и вернул нам любовь, чтобы отогреть наши продрогшие души и научить нас, как жить, потому что второго шанса не будет, так?

– Может быть, и так...

– А может быть, все дело в том, что мы просто одновременно осознали, что пришло время расставаться?

– Я слышал, как ты говорила по телефону. Что тут еще скажешь! Когда ты уйдешь, я позвоню Энн.

– Серьезно?

– Еще бы не серьезно.

– Господи, как я рада и за тебя, и за себя, и за всех остальных!

– Что же ты медлишь?! Беги! Лети к нему!

Она вскочила на ноги и начала спешно причесываться, но тут же со смехом бросила:

– Мне все равно, как я сейчас выгляжу!

– Ты красива, как никогда...

- Тебе это кажется.

- Мне всегда это будет казаться.

Она склонилась над кроватью и поцеловала его в губы.

- Это наш последний поцелуй?

- Да, - сказал он, - последний.

- Еще один.

- Только один.

Она погладила его по щеке.

- Как я тебе благодарна за твое желание...

- А я тебе за твое.

- Ты позвонишь Энн прямо сейчас?

- Да.

- Передавай ей привет.

- А ты передавай привет Бобу. Господь любит тебя, детка. Прощай.

Она выбежала в соседнюю комнату и в следующее мгновение уже спешила по длинному коридору к лифту.

Он сидел, глядя на телефон, но брать его не стал. Взглянув на зеркало, он увидел, что по щекам его катятся слезы.

- Ну, ты и враль, - сказал он своему отражению. - Ну, ты и враль!

И он вновь улегся на кровать, положив руку на пустую соседнюю подушку.

Quid pro quo

[5 - Услуга за услугу; одно вместо другого (лат.).]

Вам не удастся построить Машину Времени, если вы не будете знать, куда именно вы хотите отправиться. Пункты назначения. Каир первого столетия от Рождества Христова? Домафусаилова Македония? Хиросима за миг до катастрофы? Пункты назначения, места и события.

Я же умудрился построить свою Машину Времени совершенно невзначай, не думая о каких-то определенных местах или событиях.

Я собрал свое Транспортное Устройство из фрагментов опутанного тонюсенькими проводами нервного сплетения, отвечающего за восприятие и интуицию.

Добавил к этому внутреннюю поверхность продолговатого мозга и область коры позади зрительного нерва.

Между участком мозга, ведающим скрытым смыслом, и незримым радаром ганглия я установил перцептор отличий между прошлым и будущим, более существенных, чем изменение названий, мест и чем всякие там сногшибательные события.

Подключил мое старое изобретение – часы, оснащенные микроволновыми антеннами, умеющие выносить моральные суждения далеко за пределами моих собственных интеллектуальных способностей.

В сущности, Машина экстраполировала последовательность человеческих взлетов и падений и на этой основе сама устанавливала себе пункт назначения, я же был в ней чем-то вроде багажа.

Знал ли я об этом, собирая и настраивая свое механическое детище? Нет, не знал. Я всего лишь поигрывал идеями и желаниями, мнениями и предвидениями, основанными на успехах и неудачах, и наконец отошел немного в сторонку, чтобы получше рассмотреть свое бессмысленное творение.

Оно стояло у меня на чердаке, яркое и блестящее, состоящее из сплошных углов и колен, урчащее и всегда готовое к дальним странствиям. Если бы я сказал ему «поехали!», оно тут же рвануло бы с места. Мне не нужно было выбирать направление, Машина сама бы его выбрала, заглянув мне в душу.

Тогда бы она встала на дыбы и галопом помчалась во все стороны – один Бог знает куда. Но, когда доберемся, и мы узнаем.

Итак, все началось вот с чего. На моем темном чердаке дремлет в засаде, затаив дыхание и тихо жужжа своими паутинками-нервами, странное сооружение с парой сидений для туристов.

Почему я решил собрать Машину на чердаке?

В конце концов, она должна была не столько летать, сколько нырять в глубины Времени.

Итак, Машина. Чердак. Ожидание. Чего?

Санта-Барбара. Маленький книжный магазин. Я раздаю автографы поклонникам, и тут – взрыв. Страшная сила швыряет меня к стене... Когда я открыл глаза и огляделся, я увидел в дверях старого-престарого человека, не решавшегося переступить через порог. Невероятно сморщенный. Лихорадочный блеск в глазах. На дрожащих губах – слюна. Он трясся так, словно его только что поразила молния.

Я продолжал подписывать книги до той поры, пока мне в голову не пришла совершенно нелепая мысль. Я вновь посмотрел на дверь.

Старый-престарый человек по-прежнему подобно чучелу стоял в дверном проеме и смотрел в мою сторону.

Я обмер. Я почувствовал, как похолодели моя шея и руки. Ручка выпала из моих пальцев, когда он, хихикая, ощупью двинулся вперед.

- Неужто ты меня забыл? – спросил он со смехом.

Я обследовал взглядом свисающие на щеки длинные пряди седых волос, поросший белой щетиной подбородок, выцветшую рубашку, замусоленные джинсы, сандалеты на босу ногу и вновь перевел взгляд на его горящие безумием глаза.

- Так помнишь или нет?

- По-моему...

- Я – Саймон Гросс! – воскликнул он.

- Кто?!

- Гросс! – проблеял он. – Саймон Гросс!

- Сукин ты сын! – взъярился я.

Мой стул упал. Стоявшие вокруг меня люди отпрянули в разные стороны. Старый-престарый человек, закрыв глаза, отшатнулся, как от удара.

- Мерзавец! – На мои глаза навернулись слезы. – Саймон Гросс, говоришь? Что же ты сделал со своей жизнью?

Он поднял заскорузлые дрожащие руки открытыми ладонями наружу, как бы защищаясь от моего крика.

- Господи, – пробормотал я. – Твоя жизнь... Что ты с ней сделал?

Я услышал оглушительные раскаты грома, и память вернула меня на сорок лет назад. В ту пору мне было тридцать три года и я только-только начинал свою карьеру.

Передо мной стоял девятнадцатилетний красавец Саймон Гросс с ясными невинными глазами, любезными манерами и пачкой рукописей под мышкой.

– Моя сестра сказала... – начал он.

– Знаю, знаю, – перебил я его. – Она дала мне ваши рассказы. Я читал их всю ночь. Вы – гений.

– Зачем же вы так, – смутился Саймон Гросс.

– Я говорю как есть. Я готов взять все, что вы принесете, поскольку могу, не глядя, продать любой ваш рассказ. И не как литературный агент, но как друг гения.

– Пожалуйста, не надо так говорить.

– Я ничего не могу с собой поделаться. Такие люди, как вы, рождаются раз в столетие.

Я быстро просмотрел его новые рассказы.

– Отлично. Замечательно. Я продам их все и не возьму комиссионных.

– Будь я проклят!

– Нет, благословен. Генетически, от Бога!

– Я не хожу в церковь.

– Вам это и не нужно, – сказал я. – Теперь уходите. Дайте мне немного отдышаться. Обычных людей вроде меня ваш гений подавляет. Я восхищаюсь вами, завидую вам и почти что ненавижу вас. Уходите!

Он смущенно улыбнулся и вышел, оставив у меня на столе целую стопку раскаленной добела, жгущей мне руки бумаги. За две недели я распродал все рассказы этого девятнадцатилетнего юнца, чьи слова творили чудеса.

Они всколыхнули всю страну.

- Где вы его отыскивали? - спрашивали меня. - Он пишет как внебрачный сын Эмили Дикинсон[6 - Эмили Дикинсон (1830-1886) - выдающаяся американская поэтесса. При жизни фактически не публиковалась, но ее творчество, отличающееся метрической нерегулярностью, вольными рифмами, замысловатым ломаным синтаксисом, яркими нетрадиционными метафорами, оказало значительное влияние на поэзию XX в.] и Скотта Фицджеральда[7 - Скотт Фицджеральд, Фрэнсис (1896-1940) - американский писатель, певец «века джаза», автор романов «Великий Гэтсби» (1925), «Ночь нежна» (1934) и др.!] Вы его агент?

- Нет. Ему не нужны агенты.

Саймон Гросс написал еще дюжину рассказов, которые тут же пошли в печать и встретили такой же восторженный прием.

Саймон Гросс. Саймон Гросс. Саймон Гросс.

Я был его почетным опекуном, первооткрывателем и завистливым, но великодушным другом.

Саймон Гросс.

А потом была Корея.

Загорелый и небритый, он стоял у меня на пороге в белой матроске, сжимая в руках свой последний рассказ.

- Заходи, мой мальчик, - пригласил я его.

- Я не мальчик.

- Ну что ж, будь по-твоему. Ты только не погибни. И не становись слишком знаменитым!

- Не стану. - Он обнял меня и тут же убежал.

Саймон Гросс. Саймон Гросс.

Война закончилась, и он куда-то запропал. Десять лет в одном месте. Тридцать в другом. До меня порой доходили какие-то смутные слухи. Одни говорили, что он поселился в Испании, женился на хозяйке замка и стал чемпионом в стрельбе голубей. Другие клялись, что видели его где-то в Марокко, кажется в Марракеше. Потом он промотал где-то еще десяток лет и в 1998 году объявился наконец, прервав сорокалетнее молчание, у порога помещения, где я, окруженный плотным кольцом почитателей, раздавал автографы, а на чердаке у меня дома бесполезно стояла Машина Времени.

Саймон Гросс. Саймон Гросс.

- Да дьявол тебя побери! - крикнул я.

Старый-престарый человек отшатнулся, испуганно прикрывая лицо руками.

- Где ты пропадал все это время? Что ты сделал с собой? Господи, какая потеря! Посмотри на себя и выпрями, наконец, спину! Неужели ты - это ты?

- Я...

- Заткнись! Безмозглое, бесчувственное чудовище, что ты сделал с тем симпатичным молодым человеком?

- С каким таким молодым человеком? - прошамкал старый-престарый человек.

- С самим собой! Ты был гением! Весь мир лежал у твоих ног! Тебе удавалось все. Ты мог писать вверх ногами и задом наперед, и все получалось как надо. Мир был устрицей, которую ты одаривал жемчугом! Господи, ты хоть соображаешь, что ты сделал?

- Ничего.

- Вот именно! А нужно-то было только свистнуть, только мигнуть - и все было бы твое!

- Не бей меня, – захныкал он.

- Не бить?! Да тебя убить мало!

Я огляделся по сторонам в поисках чего-нибудь увесистого, но понял, что могу рассчитывать только на собственные кулаки.

- Идиот проклятый, да знаешь ли ты, что такое жизнь? – спросил я у него.

- Жизнь? – прошамкал старый-престарый человек.

- Жизнь – это сделка. Сделка с Богом. Он дает тебе жизнь, а ты за это платишь. Это не подарок, а ссуда... Ты должен не только брать, но и давать. Как говорится, услуга за услугу. Кви про кво!

- Кви...

- Про кво! Рука руку моет! Бери займы и плати, давай и бери! А ты? Какое транжирство! Десятки тысяч людей пошли бы на убийство, умерли бы за то, чтобы стать таким, каким ты был когда-то! Отдай другим свое тело, отдай свой мозг, если он тебе не нужен, но не разрушай его! Потерять все! Как ты посмел! Что ты натворил! Это же убийство и самоубийство! Будь же ты проклят!

- Я?! – охнул старый-престарый человек.

- Посмотри сюда! – крикнул я, подводя его к зеркалу. – Кого ты здесь видишь?

- Себя, – проблеял он.

- Нет, ты видишь умученного тобой молодого человека! Будь ты проклят!

Я замахнулся на него кулаком.

И в этот момент произошло нечто ошеломляющее. В моей голове замелькали видения. Замаячил чердак и бесполезная Машина на нем, ожидающая непонятно чего. Машина, которую я соорудил, сам удивляясь зачем. Машина с двумя

сиденьями, ожидающими пассажиров, отправляющихся – куда?

Мой кулак замер в воздухе. Видения промелькнули, и я опустил руку. Со столика, на котором я подписывал книги, я взял стакан с вином.

– Ты хотел меня ударить? – захныкал старый-престарый.

– Нет. Выпей это.

Он уставился на появившийся в его руке стакан и спросил:

– Я увеличусь или уменьшусь?

Ну да, Алиса в кроличьей норе, разглядывающая пузырек с наклейкой «Выпей меня».

– Так как же? – спросил он вновь.

– Пей, тебе сказано!

Он выпил. Я вновь наполнил его стакан. Удивляясь этому подношению, пришедшему на смену моему приступу ярости, он выпил, а потом выпил и третий стакан, и глаза его увлажнились.

– И что же теперь?

– А вот что! – сказал я и выволок его, едва не покалечив, на улицу, зашвырнул, как пугало, в свою машину и повез к себе, причем я мрачно молчал всю дорогу, а Саймон Гросс, этот сукин сын, бормотал:

– Куда это мы?

– Куда надо!

Мы подъехали к моему дому, и я, решив не терять времени понапрасну, тут же затащил его на чердак, ухитрившись не свернуть ему при этом шею.

Мы оказались перед моей Машиной Времени.

- Теперь мне ясно, зачем я ее строил! - сказал я.

- Ты это о чем? - спросил с опаской Саймон Гросс.

- Заткнись. Лезь туда!

- Это что - электрический стул?

- Кому как. Лезь, тебе говорят!

После того как старик занял свое место, я пристегнул его ремнями, сел рядом с ним и отжал рычаг управления.

- Это что? - спросил Саймон Гросс.

- Нет, - ответил я. - Это куда.

Я быстро выставил регуляторы лет/месяцев/ дней/часов/минут и стран/городов/улиц/кварталов/домов и установил переключатель режимов в положение «туда и обратно».

Шкалы приборов ожили, солнце, луна и годы бешено завертелись, и уже в следующее мгновение мы оказались в нужном времени и в нужном месте.

Саймон Гросс стал изумленно озираться по сторонам.

- Я здесь уже бывал...

- Это твой дом.

Я выволок его на лужайку перед домом.

На крыльце стоял симпатичный молодой человек в белой матроске и с кипой рукописей под мышкой.

- Это я! - вскричал старый-престарый человек.

- Да, это Саймон Гросс.

- Привет, - обратился к нам молодой человек в белоснежной матроске. - Вы как-то постарели, - сказал он, удивленно глядя на меня, и, указав кивком головы на старика, спросил: - А это кто?

- Это Саймон Гросс.

Молодой человек молча посмотрел на старика, старик молча смотрел на молодого человека.

- Нет, это не Саймон Гросс, - сказал молодой человек.

- Нет, это не я, - сказал старик.

- И все-таки это так.

Оба медленно повернулись ко мне.

- Я вас не понимаю, - сказал девятнадцатилетний Саймон Гросс.

- Верни меня назад! - взмолился старик.

- Куда?

- Туда, откуда мы пришли!

- Уходите, - сказал молодой человек, пятясь к двери.

- Не могу, - ответил я. - Присмотрись получше. Таким ты станешь после того, как потеряешь себя. Да, это Саймон Гросс. Сорок лет спустя.

Некоторое время молодой моряк стоял неподвижно. Его взгляд скользил изучающе по фигуре старика и остановился наконец на его глазах. Лицо моряка покраснело, а руки непроизвольно то сжимались в кулаки, то разжимались.

– Кто же вы в самом деле? – наконец спросил он.

Голос старого-престарого дрогнул:

– Саймон Гросс.

– Сукин ты сын! – воскликнул молодой моряк. – Пропади ты пропадом!

И ударил старика по лицу, и еще раз, и еще, и старый-престарый человек стоял, осыпаясь градом ударов, пока не рухнул на мостовую, и его молодая ипостась склонилась над его телом.

– Он умер? – осведомился молодой человек.

– Ты убил его.

– У меня не было другого выхода.

– Что верно, то верно.

– Выходит, я убил самого себя?

– Все зависит от того, хочешь ли ты жить.

– Конечно хочу!

– Тогда возвращайся домой. Я заберу его с собой.

– Почему вы это сделали? – спросил Саймон Гросс, которому было всего девятнадцать.

- Потому что ты - гений.

- Вы продолжаете это говорить.

- Потому что это так и есть. Возвращайся домой! Не медли!

Он сделал пару шагов и снова замер.

- Это что - вторая попытка?

- Надеюсь, что да. Не забывай об этом. Ни за что не селись в Испании и не стреляй в Мадриде голубей!

- Я вообще не буду в них стрелять!

- Это точно?

- Точно!

- И еще - никогда не превращайся в такого старика, слышишь?

- Слышу.

- Ты ничего не забудешь?

- Ничего.

Он поспешил к дому.

- Теперь я отвезу тебя обратно, - сказал я, обращаясь к бездыханному телу, - и похороню в безымянной могиле.

Я уселся в свою Машину и бросил прощальный взгляд на пустынную улицу.

– Удачи тебе, Саймон Гросс, – прошептал я и, щелкнув переключателем, исчез в будущем.

После бала

Огни над зданием с облупившейся вывеской «Танцевальный зал Майрона» замигали, будто собираясь погаснуть, и крошечный оркестрик заиграл финальную тему. Гости, шурша одеждами и шаркая подошвами, стали направляться к выходу. Через минуту музыка смолкла, огни мигнули в последний раз и зал погрузился в темноту.

В следующее мгновение внизу открылась боковая дверь и из нее на улицу вышли пятеро (а может быть, и шестеро) музыкантов, несших футляры с внезапно потяжелевшими инструментами. Музыканты поспешили рассесться по своим машинам, явно не желая встречаться с многоголосой шумной толпой, спускавшейся по главной лестнице. К тому времени, когда на улицу вышли все участники бала – шестьдесят женщин весьма пожилого возраста и примерно такое же количество старых мужчин, – машины музыкантов уже исчезли в ночи, объятый наползавшим с гор и с моря туманом.

Около тридцати участников праздника выстроились на южной стороне улицы в ожидании трамвая местной линии, все же остальные, почему-то более шумные и веселые, перешли на находившуюся напротив остановку дальнего трамвая, который должен был отвезти их на тихоокеанское побережье.

Выстроившись в очередь и дрожа от знакомого всем калифорнийцам ночного холода (особенно чувствительного после дневной тридцатиградусной жары), мужчины чертыхались сквозь зубы, а дамы в цветастых вечерних платьях молча вглядывались в даль так, будто это могло ускорить появление транспорта.

Как ни странно, это, похоже, сработало.

– Едет, едет! – оживились дамы.

– Да, черт побери! – отозвались кавалеры.

Все это время они не смотрели друг на друга.

Даже когда огромный, похожий на трансконтинентальный экспресс сдвоенный трамвай остановился, рассыпая искры и шипя тормозами, кавалеры в измятых пропотевших смокингах галантно помогали своим разодетым в пух и прах дамам подняться по железным ступенькам, стараясь не смотреть на их лица.

– Оп-ля!

– Я уже наверху!

– Вот и умница!

Вслед за дамами по стальным лесенкам в трамвай забрались и мужчины.

Прозвенел колокольчик, прогудел клаксон, и огромный трансконтинентальный экспресс, идущий, правда, только до Венеции[8 - ...трансконтинентальный экспресс... до Венеции... – Venice (Венис), пригород Лос-Анджелеса, по-английски пишется точно так же, как Венеция.] (до которой было всего тридцать миль), тронулся с места и поспешил к сокрытому в полуночном мраке месту своего назначения.

Это вызвало бурный восторг как у утомленных танцами дам, так и у мужчин, мечтавших поскорее отстегнуть накрахмаленные белые манишки и распуścić галстуки.

– Мне душно, откройте, пожалуйста, окошко!

– Меня знобит, поскорее закройте все окна!

Разделившись на арктических и экваториальных жителей, эти старые дети дружно устремились к безмятежным морям и к берегам безумной надежды.

Пара, сидевшая в первом вагоне прямо за вагоновожатым, зачарованно наблюдала, как движениями, напоминавшими взмахи дирижерской палочки, он переключал медные рукоятки – левую, правую, среднюю – и при этом непрерывно всматривался в туман.

Стальной экипаж вез их от Майрона к Нептуну.

Первой молчание нарушила дама:

- Вы не позволите мне сесть возле окна?

- Разумеется! Я и сам хотел вам это предложить.

Они поменялись местами. Она повернулась к окну и стала следить за проплывавшими мимо темными зданиями и деревьями, над которыми виднелись редкие звезды и узкий серп луны.

- О чем вы думаете? - поинтересовался он.

Ее силуэт смутно виднелся на фоне этих проплывающих за окном теней.

- Когда сижу в такой древней развалюхе, - тихо сказала она, - мне всегда кажется, будто я путешествую сквозь время, в прошлое.

- Никогда об этом не задумывался, - хмыкнул он, вытягивая шею, чтобы получше ее разглядеть, но она сидела, отвернувшись к окну, казавшемуся ему телевизионным экраном, на котором нерезко настроенные каналы переключались ежесекундно. Он принялся рассматривать свои руки. На них были надеты белые перчатки. - Никогда.

- Так задумайтесь, - вздохнула она.

- Простите, не понял?

- Задумайтесь об этом, - повторила она чуть-чуть погромче и вновь углубилась в созерцание мелькавших за окном ночных картин. - Мне кажется, это связано не только с временем и пространством. Я испытываю донельзя странное чувство...

- И что же вы чувствуете?

- Мне кажется, что я таю, ну, как будто теряю вес. Чем дальше мы едем, тем легче я становлюсь. Разве это не странно? Может быть, и вы испытываете нечто подобное?

- Признаться, нет.

- Так не теряйте же времени зря! Расслабьтесь. Сначала невесомыми станут ваши ступни, затем лодыжки, потом колени... Останется только ваша одежда!

Он озадаченно покосился на соседку, но так и не смог увидеть ее лица.

- Ну так давайте, - шептала она. - Расслабьтесь! Снимите все зажимы! Ну как, получается?

- Я действительно начинаю что-то чувствовать.

Он откинулся на спинку сиденья.

- Не надо ничего говорить, просто расслабьтесь, - продолжала она, не оборачиваясь.

- Уже, - пробормотал он, принявшись массировать колени руками. - Почти...

- Не лгите!

- С чего вы взяли, что я лгу?

- Мужчины привыкли лгать - они всю жизнь только этим и занимаются. Пора бы и остепениться.

- Нет-нет, - запротестовал он. - Я действительно это чувствую!

- Я рада за вас. Только не надо так волноваться. Какое странное чувство, правда?

Он молча кивнул. Большой красный трамвай ехал все дальше и дальше, оставляя позади маленькие приморские поселки, открытые поля, детские сады и рощи.

- Вы меня просто сразили! - сказал он неожиданно.

- Тсс! - прошептала она.

- Нет, правда, - продолжал он. - Вы были душой этой вечеринки, заморозив собравшихся своими рассказами, идеями, и все послушно делали то, что вы предлагали! И я действительно теряю вес, в точности как вы и сказали.

- Вот и прекрасно.

Он обернулся и обвел взглядом покачивавшихся в такт движению трамвая пассажиров.

- Вы обратили внимание на то, - сказал он, - что все участники сегодняшнего бала были в белых перчатках? Вы, я, все?

- Хотелось бы знать почему? - Она отвернулась.

- Я хотел спросить об этом у вас.

Мерно покачивавшийся трамвай все глубже и глубже погружался в пучину постепенно сгущавшегося тумана. Он долго смотрел на ее собранные в узел темные волосы и наконец спросил:

- Простите, как вас зовут? Помнится, там, в зале, вы назвали свое имя, но оркестр играл так громко, что я, к сожалению, его не расслышал...

Ее губы едва заметно шевельнулись.

- Простите? - переспросил он.

Ее губы шевельнулись вновь.

- Вот мы и приехали, - сказала она.

- Если вас интересует мое имя, то я могу назвать его хоть сейчас...

- Мы уже приехали, - повторила она, отмахнувшись от него и направляясь по проходу между сиденьями к выходу, и была уже на полдороге к двери, прежде чем до него дошло, что она ушла и что состав замедляет ход.

Он увидел огни за окном, дверь с шипением растворилась, и он не успел за своей спутницей, чтобы, выйдя первым, помочь ей сойти. Но наконец он встал рядом с ней, и прозвучали колокольчик и клаксон, и огромный ночной трамвай исчез в ночи, а она все стояла и смотрела на звезды.

- Мне кажется, нам следовало бы сойти с дороги, - сказал он. - Мы мешаем движению.

- Здесь нет машин, - спокойно ответила она, направившись к обочине.

Он поспешил вслед за ней.

- Вы только на меня не обижайтесь.

- Безлунная темная ночь... Как я ей рада... Настоящая романтика.

- Мне всегда казалось, что луна и лунный свет...

- Ни луны, ни света, - оборвала она его. - Так лучше всего.

Она переступила через бордюр и двинулась по дорожке, ведущей к ее жилищу, которое находилось на втором этаже четырехквартирного дома.

- Тихо, как мыши! - прошептала она.

- Да!

- Говорите потише!

- Да, - повторил он шепотом.

Они уже стояли на лестничной площадке. Увидев, что она сняла туфли, он сделал то же самое. Пройдя несколько шагов, она обернулась и, убедившись, что он несет ее туфли, повторила:

- Как мыши!

И стала бесшумно подниматься по лестнице. К тому времени, когда он добрался до площадки второго этажа, она была уже в своей квартире, состоявшей из просторной гостиной, в центре которой стояла большая двуспальная кровать, небольшой столовой и кухни. Дверь ванной комнаты беззвучно закрылась.

- Что вы там стоите?

Он расценил эти слова как предложение снять смокинг. Немного подумав, он снял с себя манишку и воротник и, еще немного поколебавшись, отстегнул подтяжки, стянул брюки и повесил их на спинку стула, обнаруженного им в полутемной, освещенной лишь тусклым светом ночника комнате. Но оставшись только в нижнем белье и носках, он, не получая ясных указаний, заметался в нерешительности, то направляясь к кровати, то отступая от нее.

- Вы уже на месте? - слышалось из-за двери.

Он посмотрел на кровать.

- На месте? - спросила она еще раз очень тихо.

Он подошел к кровати, ответил: «Кажется, да» - и лег. Пружины откликнулись мягким звоном.

- Да! - сказала она.

Дверь ванной открылась, и показался высокий силуэт. Прежде чем он мог хорошо разглядеть фигуру, свет погас.

- Надеюсь, вы закрыли глаза?

Он молча кивнул. В следующее мгновение она уже лежала рядом.

- Откройте глаза.

Он открыл глаза, но, как и тогда, в трамвае, не сумел разглядеть ее лица, только там она все время отворачивалась от него, так что он видел лишь ее силуэт на фоне окна, а здесь она хотя и повернулась к нему, но так пригасила ночник, что виден был только холмик тени, лишенный деталей.

- Добрый вечер, - сказала она.

- Добрый вечер.

- Как долго мы ехали...

- Слишком долго. Я едва дождался...

- Ничего не говорите.

Он вновь посмотрел на длинную тень, лишенную ясных очертаний.

- Но...

- Молчите.

Он вздохнул и замолчал, предоставив право говорить ей.

- Говорят, если хочешь написать рассказ, не определяй заранее его тему. Пиши - и только. Когда напишешь, узнаешь о чем. Так что... не надо ничего говорить.

Это была ее самая длинная тирада за весь вечер. Теперь она молчала. И как бы без всякого ее вмешательства погас ночник.

Он уловил какое-то едва приметное движение и услышал, как что-то мягкое упало на пол. В следующее мгновение он понял, что это были ее белые перчатки. Она сняла свои перчатки.

С удивлением он подумал, что единственная одежда, которая на нем еще осталась, это его перчатки. Но когда он попытался снять их, обнаружилось, что он как-то уже их стянул. Теперь его руки были открыты и уязвимы.

– Ничего не говорите, – прошептала она, придвигаясь к нему. – Ответьте только на один вопрос...

Он озадаченно кивнул.

– Скажите, – прошептала она еле слышно. Он так и не мог рассмотреть ее лица, по-прежнему казавшегося ему бледным таинственным отражением, которое он видел в окне ночного трамвая, темным силуэтом на фоне телевизионного экрана с мелькающими ночными программами. – Скажите, сколько вам лет?

От изумления он разинул рот, его охватила паника. Она повторила свой вопрос. И внезапно ему открылась простая и поразительная истина. Он зажмурил глаза, прочистил горло и пробормотал:

– Мне...

– Да.

– Мне восемнадцать, в августе будет девятнадцать, рост пять футов восемь дюймов, вес сто пятьдесят фунтов, волосы темно-русые, глаза голубые. Не женат.

Ему показалось, что он слышит, как она мягко повторяет, подобно эху, каждое его слово.

Она придвинулась еще ближе и прошептала:

– Скажи это еще раз.

In memoriam

Он ехал домой по извилистым улочкам, радуясь погоде и восхищаясь тропическими деревьями, осыпавшими лужайки темно-лиловым снегом. Боковым зрением, даже не фиксируя увиденного сознанием, настолько это было привычно, он замечал стоящие возле каждого второго гаража сооружения – баскетбольные щиты с закрепленными наверху корзинами, ожидающие игроков. Ничего заслуживающего внимания.

Он остановил машину перед домом и увидел на тротуаре свою жену, которая, сложив руки на груди, внимательно наблюдала за молодым человеком, стоявшим на стремянке с отверткой и молотком в руках. Они не замечали его до той поры, пока он не хлопнул дверцей.

– Какого черта вы тут затеяли? – закричал он и сам удивился собственной горячности.

Жена холодно ответила:

– Ничего особенного. Просто мы решили ее снять. Она висит здесь уже не один год...

Муж перевел взгляд на молодого человека.

– Немедленно спускайтесь вниз!

– Что это с тобой? – удивилась жена.

– Ничего. Вы что, не понимаете? Я сказал – спускайтесь вниз!

Молодой человек согласно кивнул, картинно закатил глаза и спустился на землю.

– А теперь уберите отсюда лестницу! – приказал муж.

- С каких пор ты стал кричать на людей? - одернула его жена.

- Разве я кричу? Впрочем, пожалуй, ты права. Пожалуйста, поставьте стремянку на место... Благодарю вас.

- Так-то оно лучше, - вздохнула супруга.

Поставив стремянку в гараж, молодой человек спокойно направился к своей машине.

Муж и жена молча стояли посреди дороги, глядя на баскетбольную корзину, пока машина не отъехала.

- И что же все это должно означать? - наконец спросила жена.

- А то ты сама не понимаешь! - воскликнул он и, почувствовав, что на его глаза навернулись слезы, удивленно пробормотал: - Что это со мной?

- Тебе лучше знать, - сказала она примирительным тоном. - Идем домой.

- Нет, сначала нужно все закончить.

- Лестница уже в гараже, кольцо же, как видишь, пока остается на месте...

- Что значит «пока»?! - вновь вспыхнул он. - Я никому не позволю его снять!

- Но почему?

- Пусть останется там. На всякий случай.

- Я тебя не понимаю.

- Должно же быть у него хоть одно свое собственное место во всем этом треклятом мире! Такого места нет ни на кладбище, ни во всей этой стране, ни тем более в Сайгоне. Разве ты этого не понимаешь?

Она подняла глаза на корзину.

- Осталось принести цветы...

- Как только у тебя язык поворачивается!

- Прости. Просто ты не хочешь, чтобы это ушло навсегда.

- А почему я должен этого хотеть?

- Мне кажется, тебе самому так было бы куда легче.

- А ему?

- Право, не знаю. А ты-то сам сможешь ответить на этот вопрос?

- Когда-нибудь смогу. Что-то мне неможется... Где эта проклятая лестница? Я ее сейчас расколочу!

Он вошел в гараж и, обнаружив среди стопок старых газет баскетбольный мяч, вновь посмотрел на кольцо.

Вглядываясь в сумрак гаража, она спросила:

- Есть, наверное, хочешь?

- Нисколько, - вздохнул он устало. - Иди, я скоро приду.

- Пойду что-нибудь приготовлю.

Услышав хлопок входной двери, он вышел из гаража и остановился под кольцом, глядя на покачивавшуюся на ветру сетку.

- Почему? - пробормотал он еле слышно. - Почему?

Он посмотрел вдоль улицы сначала в одну, потом в другую сторону. Баскетбольные щиты и кольца с пожелтевшими от времени сетками. Два с одной стороны, три – с другой. Сразу понимаешь, кто живет в этих домах, подумал он.

Он запер гаражные ворота и, заметив за стеклами входной двери супругу, поспешил домой.

Жена поставила на стол бутылку вина, что случалось нечасто. Она наполняла его бокал дважды.

– Прости меня, – сказала она наконец. – Но ведь и ты должен меня понять. Он уже никогда не вернется.

– Замолчи! – воскликнул он и, отложив в сторону вилку и нож, отодвинулся от стола.

– Кто-то должен был сказать это вслух.

– Нет!

– Мы говорили об этом и прежде. Ведь с той поры прошло уже много лет.

– Какая разница, сколько с той поры прошло лет?!

Она посмотрела на свою тарелку и сказала:

– Лучше выпей.

– Когда захочу, тогда и выпью, – угрюмо буркнул он, но тут же взял себя в руки. – Прости, пожалуйста.

Глядя, как он пьет вино, она спросила:

– И как долго все это будет продолжаться?

– Ты опять за свое?

- Нет-нет... Я только вытащила стремянку и наняла помощника.

- Ты просто ничего не понимаешь.

- Наверное, все дело в том, что ты давно уже не спишь как следует. И я подумала, ну, может быть, если... Я просто хотела помочь тебе отдохнуть. В этом ведь нет ничего плохого, правда? Ты совсем измотался.

- Да? - Он почувствовал, что у него дрожат колени, и кивнул. - Да. Наверное.

- В этом нет ничего удивительного! И вообще, чего ты все время ждешь?

- Я и сам толком не знаю. - Он вновь взял вилку, но так и не принялся за еду. - Последние две ночи я лежал и слушал.

- Слушал что?

- Не знаю. Я просто лежал и прислушивался. Но ничего не произошло.

- Ешь, пожалуйста. Или ты решил уморить себя голодом?

- Прости.

- И допивай свое вино.

Поздно вечером она сказала ему:

- Попробуй уснуть.

- Увы, от меня это не зависит.

- И все-таки попробуй. Меня очень волнует твое состояние.

Она поцеловала его в щеку и отправилась в спальню.

– Я сейчас приду, – сказал он ей вослед.

Университетские часы пробили полночь, затем час, затем два. Он откупорил еще одну бутылку вина. С неоткрытой книгой на коленях, он сидел, закрыв глаза, и чего-то ждал. За окном поднимался ветер.

Когда университетские часы пробили три раза, он поднялся на ноги, тихонько вышел из дома, открыл гараж и, отыскав баскетбольный мяч, не стал выносить его наружу, а положил на цементный пол.

Главное, оставить ворота гаража открытыми, подумал он. Тогда, может быть, получится.

Он вышел на улицу и подумал о том, что на корзину лучше не смотреть. Не замечать. Тогда, может быть...

Он закрыл глаза и, недвижно застыв на залитой лунным светом площадке, весь обратился в слух.

Где-то в вышине шумел ветер.

Да, подумал он.

Лист, осенний жухлый лист перелетел через дорогу.

Да, подумал он, о да.

Приглушенные звуки. Как будто кто-то подбежал к дому, потом пошел спокойным шагом, остановился на мгновение и стал кружить то медленнее, то быстрее. Приглушенные звуки.

Да, подумал он. Вот оно, здесь.

Так и не открывая глаз, он вытянул перед собою руки, пытаясь почувствовать движение воздуха. Ничего. Только ветер и свет луны.

И все-таки да. Конечно же, да. Сейчас.

И снова – сейчас.

Снова и снова – сейчас.

Он проснулся оттого, что жена села на краешек его постели.

– Ее нет, – сказала она.

– О чем это ты?

Кивком она указала на окно.

Он медленно поднялся с постели, подошел к окну и окинул взглядом площадку перед домом.

Ни щита, ни кольца, ни сетки.

– Что здесь происходило этой ночью?

– Что-то происходило...

– Что?

– Я и сам этого не знаю. Может быть, во всем виновата погода. Все ожило. Может, это луна заставила все двигаться, и я спросил...

– Что ты спросил? – встрепелась жена.

– Я спросил: кем бы или чем бы ты ни был, ответь мне, вернется ли ко мне сон, если мы сыграем еще одну, последнюю игру? Самую-самую последнюю? Я почувствовал, как легкий ветерок коснулся моего лица и рук. Луна на мгновение скрылась за тучкой. Это был знак. Я пошевелился, ветерок шевельнулся тоже.

– И что же?

- Мы сыграли последнюю игру.

- Я действительно слышала какие-то странные звуки. - Она вздохнула. - И кто же победил?

- Мы оба, - ответил он.

- Это невозможно.

- Возможно. Если только постараться.

- И выиграла вы оба.

- Именно так - оба.

Она тоже подошла к окну и посмотрела на опустевшую площадку.

- Но кто же снял корзину и щит? Неужто ты?

- Ну а кто же еще?

- Я не слышала, как ты доставал лестницу.

- И все-таки. Знала бы ты, каких сил мне стоило взобраться на нее, а спускаться было и того тяжелее. Полно пыли в глазах, ничего не видел.

- И куда же ты все это подевал?

- Понятия не имею. Мы найдем их в самый неожиданный момент.

- Слава богу, все уже позади.

- Да, да... Но знаешь, что самое хорошее?

- Ты о чем?

- Мы сыграли вничью, - ответил он.

И, немного помолчав, повторил:

- Вничью.

Тет-а-тет

Гуляя однажды летним вечером по дощатым дорожкам приморского парка, мы, я и мой приятель Сид, увидели на одной из стоявших возле самой кромки прибрежных скамеек знакомую картину.

- Смотри, - сказал я, - и слушай.

Мы стали смотреть и слушать.

На скамейке сидела старая еврейская чета, ему - лет семьдесят, ей - лет шестьдесят пять. Они громко разговаривали, горячо жестикулируя и не слушая друг друга.

- Сколько раз тебе это можно говорить!

- Ты мне ничего не говорил! Ничего, слышишь?!

- Нет, говорил! Я всю жизнь тебе что-то говорю! И такие важные вещи, если бы ты хоть раз попыталась понять!

- Такие важные, послушайте его! - возмутилась она. - Да назови хотя бы одну!

- Начнем со свадьбы.

- Со свадьбы?!

- С чего же еще? Весь этот бред, вся эта неразбериха!

- И кто же в ней был виноват?

- Я могу доказать как дважды два...

- Не надо мне ничего доказывать! Я отказываюсь тебя слушать!

И так далее, и так далее, и так далее.

- Жаль, диктофона нет, - сказал я.

- Зачем он тебе? - усмехнулся Сид. - Я смогу воспроизвести их диалог слово в слово в любое время дня и ночи!

Мы продолжили прогулку.

- Они сидят каждый вечер на этой самой скамейке уже много лет!

- Да, - покачал головой Сид. - Смех, да и только.

- А мне от этого почему-то грустно.

- Грустно? Брось ты! Они ужасно похожи на героев какого-нибудь дешевого водевиля театра «Орфеум»!

- Тебе действительно нисколько не грустно?

- О чем ты говоришь? Готов поспорить, они женаты уже лет пятьдесят. Эта перепалка началась еще до свадьбы и продолжилась сразу, как только закончился медовый месяц.

- Они просто не слушают друг друга.

- Да, но они делают это по очереди! Сначала она не слушает, потом он. Будь иначе, они тут же обратились бы в камень. Все точно по Фрейду.

- С чего ты взял?

- Они просто выплескивают все! Не остается никаких претензий, никаких страхов. Спорю, они укладываются спать, не переставая ругаться, и через две минуты засыпают с улыбкой на губах!

- Ты полагаешь?

- То же самое происходило с моими дядей и тетей, подобные баталии их только закалили.

- И сколько же лет они прожили?

- Тетушка Фанни и дядюшка Эйза? Восемьдесят и восемьдесят девять.

- Так долго?

- Словесная диета, сам понимаешь. Еврейский бадминтон: он подает - она отбивает, она подает - он отбивает. При этом, конечно же, никто не выигрывает, но, заметь, и не проигрывает.

- Я никогда об этом не задумывался.

- Ну так подумай. Пойдем, пора подкрепиться.

Мы повернули назад и направились к воротам парка.

- И еще одна вещь, - сказал старик.

- И еще тысяча других вещей.

- А кто это считал? - сказал он.

- А вот смотри. Куда я положила этот список?

- Список! Кому нужны твои списки?

- Мне! Тебе не нужны, а мне нужны!

- Послушай...

- Дай мне договорить!

- И так до бесконечности, - усмехнулся Сид.

Через пару дней он позвонил мне домой.

- Слушай, я раздобыл диктофон!

- Зачем?

- Ты писатель, я писатель. Пособираем зерен для наших мельниц.

- Ну...

- Я за тобой заеду.

Мы вновь отправились на прогулку по приморскому парку. Стоял на удивление тихий и погожий калифорнийский вечер, о каких мы даже не рассказываем родственникам с восточного побережья из опасения, что они поверят и тут же заявятся в гости.

- Я ничего не хочу слышать!

- Замолчи! Мне надоели твои вечные увертки!

- Да, - сказал я, прикрыв глаза. - Все то же. Та же пара и тот же разговор. Волан по-прежнему над сеткой. Проигравших нет. Ты и вправду собрался записывать их разговор на диктофон?

– А что, зря, что ли, Дик Трейси его изобретал[9 - Ты и вправду собрался записывать их разговор на диктофон? – А что, зря, что ли, Дик Трети его изобретал? – Дик Трейси – частный детектив, герой комикса Честера Гулда (1900–1985), выходящего с 1931 г.]?

Когда мы медленно подошли поближе, он незаметно включил диктофон.

– Как же его звали? Ах да – Айзек!

– С каких это пор?

– Конечно, Айзек!

– Его звали Аароном!

– Да нет же! Это старшего звали Аароном!

– Нет, младшего!

– Кто тебе это сказал?

– Кто, как не ты!

– Как только у тебя язык поворачивается.

– Что, правда глаза колет?

– Да я докажу тебе как дважды два...

– Во дают! – довольно хмыкнул Сид, проходя мимо них с включенным диктофоном в кармане.

И так раз, и другой, и третий.

Потом совершенно неожиданно скамейка два вечера пустовала.

На третий вечер я зашел в находившийся неподалеку небольшой кошерный магазинчик и, указав на скамейку, поинтересовался судьбой ее завсегдатаев. Имен их я, разумеется, не знал. Конечно, конечно, сказали мне. Роза и Эл, Эл и Роза. А фамилия у них Штайн. Эл и Роза Штайн ходили сюда много лет, ни единого вечера не пропустили, но теперь этому конец. Эла уже нет. Такие дела. Умер во вторник. Вот скамейка и опустела, но тут уж ничего не поделаешь.

Хотя я и не был знаком с супругами Штайн, это известие наполнило мое сердце грустью. В маленькой местной синагоге я узнал название крошечного кладбища и, испытывая некоторое смущение и не вполне понимая зачем, отправился туда, чувствуя себя так же, как в ту далекую пору, когда я – тогда еще двенадцатилетний гой – зашел в синагогу, находившуюся в самом центре Лос-Анджелеса, чтобы разобраться, а каково это – ощущать себя частицей этой толпы поющих и молящихся людей с покрытыми головами.

Конечно же, она была там. Она сидела возле камня, на котором было вырезано его имя, и говорила, говорила, говорила, время от времени касаясь камня рукой.

А что же он? Как и прежде, он ее не слушал.

После захода солнца я отправился в парк. При виде пустой скамейки сердце заныло у меня еще сильнее.

Но что я мог сделать?

Я позвонил Сиду и задал ему один-единственный вопрос:

– Надеюсь, ты сохранил все эти пленки?

В один из последних теплых вечеров мы с Сидом решили прогуляться по кошерной эспланаде, где помимо прочего можно было купить совсем недурное пастроми и сладкие ватрушки, и вновь вышли к берегу, где стояло никак не меньше пары дюжин скамеек. И тут Сид неожиданно сказал:

- Хотел бы я знать...

- Это ты о чем, Сид? - спросил я, заметив, что он смотрит в сторону скамейки, пустовавшей уже почти неделю.

- Посмотри. - Он взял меня под руку. - Видишь эту старую женщину?

- И что же?

- Она вернулась! А я-то думал, что с ней что-то стряслось.

- Я это знаю, - улыбнулся я.

- Ничего не понимаю! - изумился он. - Та же скамейка, и говорит она не меньше прежнего...

- Все правильно.

Скамейка была уже совсем недалеко.

- Странное дело, - прошептал он еле слышно. - Она, похоже, разговаривает сама с собой!

- Не совсем так, - покачал я головой. - Прислушайся получше.

- Пожалуйста, не морочь мне голову! Кому нужны все эти твои, с позволения сказать, аргументы? - воскликнула старая женщина, глядя горящими глазами на пустую половину скамейки. - Думаешь, у меня их нет? Ошибаешься! Послушай лучше, что я тебе скажу!

- Это тебя-то я должен слушать?! - послышался внезапно мужской голос. - Как я до этого дожил!

- Тот же голос! - изумился Сид. - Это его голос! Но он же умер!

- Все верно, - кивнул я.

- Это еще не все, - сказала старая женщина. - Посмотри, как ты ешь. Хоть раз посмотри!

- Легко тебе говорить. - Голос старика упал.

- Ну, так давай говори ты.

Раздался щелчок. Сид перевел глаза вниз и увидел, что старая женщина держит в руках диктофон.

- И еще одна вещь, - сказала она.

Щелк.

- Почему я должен все это терпеть?! - взмолился мужской голос.

Щелк.

- Интересно, что станется с тобою, когда я скажу всю правду?

Сид заглянул мне в глаза.

- Ты? - спросил он.

- Я, - признался я.

- Как? - спросил он.

- Я переписал на отдельную кассету все его реплики так, чтобы она успевала на них ответить. При желании она может остановить диктофон и выговориться вволю.

- Зачем ты это сделал?

– Я увидел ее на кладбище. Она что-то говорила, обращаясь к холодному куску мрамора, но ответа не было. Я переписал твои пленки, все эти его вопли и жалобы, и поздно вечером вернулся на кладбище. Она была все еще там, она, наверное, осталась бы там навсегда и умерла бы с голоду. Ответа не было. Но он должен был быть! Я подошел к могиле, включил диктофон, убедился, что из него раздаются вопли старика, вручил диктофон ей и тут же ушел. Даже не стал ждать, пока она начнет кричать в ответ. Он и она, она и он. Высокий голос и низкий, низкий и высокий. Я просто ушел. Прошлым вечером она уже сидела здесь на скамейке и ела ватрушку. Думаю, она собирается жить дальше. Здорово, а?

Сид прислушался к сетованиям старика:

– Сколько же это будет продолжаться? Почему я должен все это терпеть? Нет, пусть мне кто-нибудь ответит! Я жду!

– Хорошо, хорошо, дорогой! – кричала в ответ старая женщина.

Мы с Сидом направились к выходу. Он взял меня под локоть.

– Хоть ты и гой, – сказал он, – ты поступил как истинный еврей. Скажи, могу я что-нибудь для тебя сделать?

– Да, пожалуй. Пастрами... Под водку.

Полуночный танец дракона

Помните байки об Аароне Штолице? Его прозвали Вампиром, потому что он работал по ночам. Адве его студии помните? Одна как ящик для рояля, другая как кладовка для крекеров. Я работал в кладовке, которая, кстати сказать, граничила с кладбищем Санта-Моника. Хорошенькое дельце! Покойничек, вы ошиблись адресом, вам надо на девяносто футов южнее!

Чем я там занимался? Передирал чужие сценарии, заимствовал музыку и монтировал такие ленты, как «Чудище в парадной зале» (этот фильм очень

нравился моей маме, он напоминал ей ее собственную матушку), «Ловкий мамонт» и прочие фильмы, посвященные всяким разным гигантским тлям и исступленным бациллам, которые мы снимали буквально за ночь.

Ничего этого нет уже и в помине. За одну-единственную ночь Аарон Штолиц стал не только знаменитым на весь мир, но и ужасно богатым, что, конечно же, не могло не отразиться и на моей судьбе.

В один жаркий сентябрьский вечер зазвонил телефон. Аарон в этот момент, что называется, держал оборону в студии. Иначе говоря, он укрылся в своей комнатенке два на четыре и не впускал назойливых, словно дрозодилы, шерифов.

Я сидел в задней комнате и монтировал на ворованном оборудовании наш очередной шедевр. Тут-то, как я уже сказал, и зазвонил телефон. От неожиданности мы подскочили на месте так, словно услышали доносящийся из далекого далека визг жен, занимающихся проверкой нашего финансового состояния.

Выждав минуту-другую, я поднял трубку.

– Эй, там, – послышалось из трубки. – С вами говорит Джо Самасука из кинотеатра «Самурай Джо Самасука»! Мы назначили на восемь тридцать премьеру потрясающей японской ленты. Вся беда в том, что наша пленка застряла на фестивале то ли в Пакоиме, то ли в Сан-Луис-Обиспо. Такие дела. Может быть, у вас найдется девяностоминутный широкоэкранный фильм о самураях или, на худой конец, что-нибудь вроде китайской сказки? Я готов выложить за него пятьдесят монет. Короче, что у вас есть о крутых парнях, которые сухими выходят из воды?

– «Остров бешеных обезьян»?

Мой собеседник никак не отреагировал на это предложение.

– «Две тонны кошмара»?

Хозяин кинотеатра «Самурай Самасука» потянулся к рычажку телефонного аппарата.

– «Полуночный танец дракона»! – завопил я.

– В самый раз. – Слышно было, как он закуривает. – Дракон так дракон. Скажите, не могли бы вы закончить монтаж и озвучку часа эдак через полтора?

– Вот такие пироги! – сказал я, повесив трубку.

– «Полуночный танец дракона», говоришь? – поинтересовался появившийся в дверях Аарон. – У нас отродясь такого фильма не было.

– Смотри! – Я выложил перед камерой ряд из заглавных букв. – Сейчас «Остров бешеных обезьян» превратится в «Полуночный танец дракона» со всеми вытекающими отсюда последствиями!

Я переименовал фильм, в два счета разобрался с музыкой (прокрутив задом наперед запылившиеся записи Леонарда Бернштейна[10 - Леонард Бернштейн (1918–1990) – американский дирижер, пианист, композитор, музыкальный педагог, автор знаменитого мюзикла «Вестсайдская история» (1957), много работал в кино.] и отнес все двадцать четыре бобины с пленкой в наш «фольксваген». Вообще-то фильм умещается на девяти бобинах, но монтируют его обычно на катушках поменьше, чтобы с ними было легче возиться. Времени на перемотку нашего эпоса у меня, как вы сами понимаете, не оставалось. Придется уж этому Самасуке поработать с двумя дюжинами катушек.

Мы лихо подрулили к кинотеатру и понесли наши драгоценные бобины в киноаппаратную. Дышавший шумно, как Кинг-Конг, человек, от которого ужасно разило хересом, тут же заграбастал все части фильма, отнес их в свою будку и закрыл за собой металлическую дверь.

– Эгей, мы так не договаривались! – воскликнул Аарон.

– Нужно забрать у них деньги еще до начала фильма, – сказал я. – Иначе, боюсь, будет поздно.

Мы стали спускаться по лестнице.

– Конец, всему конец! – слышались снизу горестные крики.

Мы увидели внизу несчастного Джо Самасуку, который едва ли не плача взирал на толпившихся возле входа зрителей.

– Джо! – сказали мы в один голос. – Что с тобою стряслось?

– Каквыне понимаете, – простонал он. – Я разослал телеграммы, но они все равно явились на премьеру: «Верайети», «Сатердей ревью», «Сайт-энд-саунд», «Манчестер гардиан», «Авангард синема ревью». О, дайте же мне ядовитой американской пищи, я хочу умереть!

– Спокойствие, Джо, – попытался успокоить его Аарон. – Наш фильмец не так уж и дурен.

– Кто их знает, – покачал я головой. – Это ведь суперснобы. Не ровен час, после нашего фильма они вспомнят о «Харакири продакшн».

– Главное – спокойствие, – как ни в чем не бывало заметил Аарон. – В ближайшем баре можно пропустить рюмочку-другую. Пошли.

Судя по бравурным звукам проигрывавшихся задом наперед опусов Дмитрия Темкина[11 - Дмитрий Темкин (1899–1979) – американский композитор русского происхождения, прославился музыкой для кино.], фильм уже начался.

Мы понеслись в бар. Однако не успели мы выпить по двойной порции успокоительного, как из зала слышались дружные вздохи и охи, походившие на шум набежавшей на берег океанской волны.

Мы с Аароном открыли дверь зала, силясь понять, какой танец исполняет наш неподражаемый дракон.

Увидев изображение на экране, я вновь рванулся к запертой металлической двери аппаратной и принялся барабанить по ней кулаками.

– Болван! Гнида! Ты перепутал катушки! Вместо четвертой бобины ты взял вторую!

Вскоре ко мне присоединился и запыхавшийся Аарон.

– Послушай, – сказал он, прислонившись к двери.

Из аппаратной доносились булькающие звуки.

– Похоже, он что-то пьет.

– Он и без того уже в стельку пьян!

– Знаешь, – сказал я, взмокнув от волнения, – фильм идет всего пять минут. Может быть, они ничего не заметят. Эй ты! – заорал я, лягнув по двери ногой. – Считай, что мы тебя предупредили! Немедленно расставь бобины по порядку!

Я взял под руку дрожавшего то ли от волнения, то ли от негодования приятеля и сказал:

– Аарон, нам нужно выпить еще по одной успокоительного.

Едва мы выпили еще по мартини, как из зала вновь послышался оглушительный шум прибоа.

Я понесся к залу, взбежал по лестнице, ведущей к аппаратной, и стал скрестись в окованную сталью дверь.

– Маньяк! Убийца! Зачем ты поставил шестую катушку? Немедленно смени ее на третью! Как только ты откроешь дверь, я придушу тебя собственными руками!

Слышно было, как он открыл... очередную бутылку и направился в глубь аппаратной, то и дело спотыкаясь о жестяные коробки с бобинами.

Обезумев от горя, я, подобно герою «Медеи», принялся рвать на себе волосы и вернулся к Аарону, задумчиво рассматривавшему содержимое своего стакана.

– Скажи мне, ты когда-нибудь видел трезвых киномехаников?

– А ты видел китов, которые не умели бы плавать? – ответил я вопросом на вопрос. – Ты видел левиафанов, которые камнем шли бы ко дну?

– Да ты поэт, – уважительно сказал Аарон. – Валяй дальше.

– Мой шурин пятнадцать лет работал киномехаником в «Трайлакс Студио» и все эти годы, что называется, не просыхал.

– Нет, ты только вдумайся!

– Я только и делаю, что вдумываюсь. Бедолаге пришлось пятнадцать лет кряду следить за перипетиями «Седла греха», раз за разом крутить «Горное гнездышко» и мучиться с перемонтированными «Сетями страсти». Подобные потрясения могут в два счета сломить кого угодно. Я уж не говорю о кинотеатрах с безостановочным показом. Ты мог бы девяносто раз подряд смотреть «Харлоу» с Кэрролл Бейкер[12 - Ты мог бы девяносто раз подряд смотреть «Харлоу» с Кэрролл Бейкер? – «Харлоу» (1965) – фильм Гордона Дугласа, одна из двух вышедших в том году кинобиографий звезды 1930-х годов Джин Харлоу (1911–1937), роль которой исполняла Кэрролл Бейкер (р. 1931).]? Подобное трудно даже представить, верно? Разве это не безумие? Экранные кошмары, бессонные ночи, импотенция. Нет ничего удивительного в том, что ты начинаешь пить. В этот самый час в Америке с ее неприступными фортами и сверкающими неоновой рекламой городами нет никого пьянее киномехаников, с которыми никогда не сможет тягаться даже издававшая виды подзаборная публика. Если они не будут пить, они просто погибнут.

Мы допивали мартини уже молча. При мысли о разбросанных по всему континенту десятках тысяч киномехаников с их стрекочущими аппаратами и бутылками я даже прослезился.

Из зала вновь послышался какой-то шум.

– Сходи посмотри, что делает этот псих, – сказал Аарон.

– Я боюсь.

Зал сотрясаясь от эмоций.

Мы в очередной раз покинули бар и взглянули на окошко аппаратной.

– Всего у него двадцать четыре бобины, верно? Аарон, ты мог бы прикинуть количество их возможных комбинаций? Девятая вместо пятой. Одиннадцатая вместо шестнадцатой. Восьмая вместо двадцатой. Тринадцатая...

– Заткнись, – угрюмо буркнул Аарон.

Мы принялись нервно прогуливаться вокруг квартала и обошли его шесть раз. Из зала теперь доносился не просто шум, но скорее рев обезумевшей толпы.

– Господи, похоже, они уже ломают сиденья...

– Ну, вряд ли.

– Они поубивают всех своих родных и близких!

– Кинокритики? Аарон, ты когда-нибудь видел их родных и близких? Здесь эполеты. Там лычки. Раз пять в неделю качаются в тренажерном зале. Даже в свободное время они то и дело спускают на воду боевые корабли. Какие уж тут близкие? У них и дальних-то нет...

В полночной тьме из зала доносились вопли и свист.

Я приоткрыл дверь и взглянул на экран.

– Девятнадцатая вместо десятой.

В тот же миг из кинотеатра пошатываясь вышел его хозяин. По его бледным щекам катились слезы.

– Что вы со мной сделали! Во что вы меня превратили! – вскричал он. – Ублюдки! Недоноски! Прохиндеи! Кинотеатра «Самурай Джо Самасука» больше не существует!

Он орал с такой надсадой, что я стал беспокоиться о его здоровье.

– Не надо так, Джо, – сказал я. – В конце концов, чего только в жизни не бывает.

Музыка играла все громче. Напряжение нарастало с каждой секундой. Казалось, еще немного – и раздастся страшный, всеразрушающий взрыв, который отделит материю от сознания, как мясо от костей.

Отшатнувшись, Джо Самасука сунул мне в руки какой-то ключ и пробормотал:

– Вызовите полицию, пригласите уборщиков мусора и закройте оставшиеся двери. Мне звонить не надо, я свяжусь с вами сам.

В следующее мгновение он уже исчез.

Конечно же, нам следовало бы присоединиться к нему, но тут раздались оглушительные финальные аккорды фильма (Берлиоз вперемешку с Бетховеном), после чего установилась мертвая тишина.

Мы с Аароном обреченно повернулись к запертым дверям кинотеатра.

Створки дверей распахнулись, и из них на мостовую хлынула совершенно обезумевшая толпа, похожая на многоглазого, многорукого и многоногого бесформенного зверя.

– Умирать-то как не хочется, – просипел Аарон.

– Раньше надо было думать, – сказал я.

Толпа, этот огромный, дрожащий от возбуждения зверь, приостановилась. Мы смотрели на нее. Она смотрела на нас.

– Это они! – раздался чей-то безумный голос. – Продюсер и постановщик!

– Прощай, Аарон, – сказал я.

– До встречи на том свете, – печально откликнулся он.

Издав утробный рык, многоголовый и многорукий зверь набросился на нас и... торжествуя, принялся носить на руках; с воплями и пением нас трижды пронесли вокруг кинотеатра, потом по улице и снова к кинотеатру.

– Аарон!

Я пригляделся к бурлящему под нами морю счастливых улыбок. Вот обозреватель «Манчестер Гардиан». Рядом с ним злобный, страдающий несварением желудка критик из «Гринвич-Виллидж аванти». Вон там зашлись в экстазе второразрядные обозреватели из «Сатердей ревью», «Нейшн» и «Нью рипаблик». И повсюду, вплоть до самых дальних берегов этого бурного моря, бесновались, прыгали от восторга, смеялись и размахивали руками корреспонденты «Партизан ревью», «Сайт-энд-саунд», «Синема» и бог знает еще откуда.

– Невероятно! – выкрикивали они. – Замечательно! Это куда лучше, чем «Хиросима, любовь моя»[13 - «Хиросима, любовь моя» (1959) – знаменитый фильм Алена Рене по сценарию Маргерит Дюрас, в главных ролях Эммануэль Рива и Эйдзи Окада; лауреат нескольких премий, в т. ч. «Оскара».]! В десять раз лучше «Прошлым летом в Мариенбаде»[14 - «Прошлым летом в Мариенбаде» (1961) – знаменитый фильм Алена Рене по сценарию Алена Роб-Грийе, в главных ролях Дельфин Сейриг и Джорджо Альбертацци.]! В сто раз лучше «Алчности»[15 - «Алчность» (1924) – знаменитый семи-с-половиной-часовой фильм Эриха фон Штрогейма, сокращенный студией до двух часов, экранизация романа Фрэнка Норриса «Мактиг» (1899).]! Классика! Шедевр! Рядом с ним «Великан»[16 - «Великан» (1956) – драма Джорджа Стивенса, в ролях Элизабет Тейлор, Рок Хадсон, Джеймс Дин, Кэрролл Бейкер, Деннис Хоппер.] кажется жалким сопляком! Новая американская волна! Как вам удалось это сделать?

– Сделать что? – крикнул я Аарону, когда толпа с нами на руках пошла на четвертый круг.

– Помалкивай и крепче держись в седле! – прокричал он в ответ.

Я заморгал, почувствовав слезы на глазах. В тот же миг я заметил в окне аппаратной покачивающегося киномеханика, обалдело взирающего на

происходящее. Держа в одной руке бутылку, он ощупал другой рукой лицо, как бы проверяя, он ли это, посмотрел на бутылку и, отступив назад, вновь исчез во тьме своей будки.

Когда в конце концов все эти гномы и газели напрыгались и насмеялись вволю, они поставили нас с Аароном наземь со словами:

- Это величайший авангардный фильм всех времен и народов!

- Мы очень надеялись на успех, - отвечивал я.

- Фантастическое мастерство оператора! Гениальный монтаж! Обратная временная перспектива! - слышалось отовсюду.

- Мы старались, - скромно потупившись, произнес Аарон.

- Конечно же, вы представите свою ленту на Эдинбургском фестивале, не так ли?

- Разумеется, нет, - изумился Аарон. - Мы... собираемся сначала показать ее на Каннском кинофестивале, - закончил я.

Толпа, которая всего минуту назад кружила подобно урагану, унесшему Дороти в страну Оз, стала стремительно редеть, заручившись нашими обещаниями почтить присутствием бесчисленные приемы, дать интервью и написать статьи, завтра, через неделю, через месяц, пожалуйста, не забудьте!

Не прошло и пяти минут, как на площадке перед кинотеатром установилась полнейшая тишина, которую нарушал только плеск воды, вырывающейся изо рта каменного сатира, стоявшего в центре небольшого фонтана. Какое-то время Аарон так и стоял, устремив взгляд в никуда. Наконец он очнулся и, подойдя к фонтану, омыл лицо холодной водой.

- Механик! - осенило его внезапно.

Мы взбежали по лестнице и остановились возле двери. На сей раз мы не стучали, а скреблись в нее подобно двум маленьким оголодавшим белым мышкам.

Через некоторое время из-за двери послышалось:

– Уходите. Я очень сожалею о происшедшем. Я не нарочно.

– Не нарочно? Открывай, говорят тебе! Считай, что мы тебя уже простили, – заверил его Аарон.

– Я вас боюсь, – раздался слабый голос. – Уходите.

– Только с тобой, дорогуша. Мы тебя нежно любим. Правда, Сэм?

Я согласно кивнул.

– Это точно. Мы тебя нежно любим.

– Я смотрю, вы совсем свихнутые.

Мы услышали неуверенное шарканье, дверь аппаратной распахнулась, и на ее пороге появился пошатывающийся киномеханик – мужчина лет сорока пяти с налитыми кровью глазами и с пунцовым лицом.

– Можете меня убить, – прошептал он.

– Убить? Нет, братишка, ты нужен нам живым!

Аарон подошел к киномеханику и чмокнул его в щеку. Попятившись назад, тот замахал руками так, словно пытался отбиться от шершней.

– Вы только не волнуйтесь, я в один миг верну все на место, – пробормотал механик и наклонился, чтобы поднять с пола бобины.

– Не смей! – воскликнул Аарон. Механик замер. – Главное – ничего не трогай, – продолжил Аарон куда более спокойным тоном. – Сэм, писать будешь ты. Карандашик у тебя есть? Так... И как же тебя зовут?

– Уиллис Хорнбек.

– Уиллис... Стало быть, Вилли. А теперь, Вилли, поведай нам, в каком порядке ты ставил эти пленки. Какая была первой, второй, третьей, какую ты перевернул, какую проигрывал задом наперед и все такое прочее.

– Вам нужна... – недоуменно заморгал киномеханик.

– Мне нужна общая схема показа. Да будет тебе известно, что сегодня ты демонстрировал публике лучший авангардный фильм всех времен и народов.

– Мама родная! – пробормотал Уиллис, ошарашенно глядя на груды валявшихся на полу бобин.

– Уиллис, лапочка, – продолжил Аарон. – Знаешь, как тебя будут величать после этой памятной ночи?

– Дерьмом? – пробормотал Хорнбек дрожащим голосом.

– Ошибаешься! Первым помощником главного продюсера компании «Хасураи Продакшн»! Если захочешь, мы сделаем тебя монтажником, редактором или даже режиссером! Контракт сроком на десять лет! Карьерный рост, особые права, участие в капитале компании и, наконец, проценты! Надеюсь, я выразился достаточно ясно? Сэм, ты готов? Все, начали. Мы слушаем тебя, Уиллис.

– Я... Я ничего не помню.

Аарон издал нервный смешок.

– Нет, помнишь!

– Тогда я был пьяным, а теперь я трезвый, верно? Как же я могу что-то вспомнить?

Мы с Аароном в панике переглянулись, но тут я заметил на полу знакомый предмет и поднял его.

– Один момент, – вмешался я в разговор. – Я хочу обратить ваше внимание на одну немаловажную деталь.

Все посмотрели на бутылку, в которой оставалось еще немало хереса.

– Уиллис... – задумчиво произнес Аарон.

– Да, сэр?

– Уиллис, дружище...

– Да, сэр?

– Уиллис, – продолжил Аарон, – сейчас я включу проектор.

– И что же?

– А ты, Уиллис, тем временем допьешь свой херес.

– Так точно, сэр.

– Сэм?

– Слушаю, сэр! – Я взял под козырек.

– А ты, Сэм, – сказал Аарон, включая проектор, свет которого высветил белый экран, застывший в предвкушении того удивительного мига, когда мастер вновь отобразит на нем прихотливую игру своего гения, – прикрой, пожалуйста, дверь.

Я захлопнул тяжелую, окованную железом дверь и запер ее на ключ.

Дракон пронесся в полуночном танце по всему цивилизованному миру. Сначала мы приручили льва на Венецианском кинофестивале, затем удостоились главного приза Нью-Йоркского и специального приза Всемирного фестивалей. Теперь у нас было целых шесть фильмов! Особым успехом пользовалась лента

под названием «Страшилище», за которой последовали такие шедевры, как «Мистер Бойня» и «Натиск», за ними «Имя мрака» и «Плетень».

Что до имен Аарона Штолица и Уиллиса Хорнбека, то они произносились прокатчиками всех стран и народов с особым почтением.

Вы спросите, как мы смогли добиться такого успеха?

Так же, как и прежде.

Сняв очередной фильм, мы арендовали на ночь кинотеатр Самасуки, вливали в старика Уиллиса бутылку отборного хереса, вручали ему бобины с пленкой, включали проектор и запирали дверь аппаратной.

К рассвету наш очередной эпос превращался в нарубленный нашим коллегой и склеенный эпоксидной смолой его возвышенного гения чудовищный салат, появления которого с нетерпением ожидали киногурманы Калькутты и Фар-Рокауэя. Я никогда не забуду этих бессонных ночей в театре Самасуки, суливших нам золото рассвета.

Мы снимали фильм за фильмом, приручали зверя за зверем, купались в реках песо и рублей. Аарон и Уиллис получили «Оскар» в номинации экспериментального фильма, мы стали разъезжать по городу в дорогущих «ягуарах», и ничто не могло омрачить нашего счастья, да?

Нет.

Мы находились на вершине успеха всего три года.

В один прекрасный день, в тот самый момент, когда Аарон отдался сладостному созерцанию своего банковского счета, Уиллис Хорнбек подошел к окну, выходящему на огромную съемочную площадку «Хасураи Продакшн», и заплакал, бия себя в грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/rey-bredberi/polunochnyy-tanec-drakona/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

А как он ждал четвертого июля! – День независимости США, общегосударственный праздник (4 июля 1776 г. была подписана Декларация независимости США).

2

...фильмы с Лоном Чейни, горбун Квазимодо и призрак оперы. – Лон Чейни (Алонсо Чейни, 1883–1930) – знаменитый характерный актер немого кинематографа США, прозванный «человеком с тысячью лиц»; будучи сыном глухонемых родителей, с детства занимался пантомимой. Наиболее известные роли – Квазимодо в «Соборе Парижской Богоматери» (1923), призрак оперы в «Призраке оперы» (1925). Его сын Лон Чейни-мл. (Крейтон Чейни, 1907–1973)

также снимался в кино, преимущественно в фильмах ужасов.

3

...слушал по средам передачи Фреда Аллена... – Фред Аллен (Джон Флоренс Салливан, 1894–1956) – американский юморист, начинал в водевиле; на радио (Си-би-эс) с 1932 г., собственную программу вел в 1934–1949 гг.

4

Стейнбек, Джон (1902–1968) – американский писатель, автор романов «О мышах и людях» (1937), «Гроздь гнева» (1939), «К востоку от Рая» (1952), «Зима тревоги нашей» (1961) и др., лауреат Нобелевской премии по литературе 1962 г.

5

Услуга за услугу; одно вместо другого (лат.).

6

Эмили Дикинсон (1830–1886) – выдающаяся американская поэтесса. При жизни фактически не публиковалась, но ее творчество, отличающееся метрической нерегулярностью, вольными рифмами, замысловатым ломаным синтаксисом, яркими нетрадиционными метафорами, оказало значительное влияние на поэзию XX в.

7

Скотт Фицджеральд, Фрэнсис (1896–1940) – американский писатель, певец «века джаза», автор романов «Великий Гэтсби» (1925), «Ночь нежна» (1934) и др.

8

...трансконтинентальный экспресс... до Венеции... – Venice (Венис), пригород Лос-Анджелеса, по-английски пишется точно так же, как Венеция.

9

Ты и вправду собрался записывать их разговор на диктофон? – А что, зря, что ли, Дик Трети его изобретал? – Дик Трейси – частный детектив, герой комикса Честера Гулда (1900–1985), выходящего с 1931 г.

10

Леонард Бернстайн (1918–1990) – американский дирижер, пианист, композитор, музыкальный педагог, автор знаменитого мюзикла «Вестсайдская история» (1957), много работал в кино.

11

Дмитрий Темкин (1899–1979) – американский композитор российского происхождения, прославился музыкой для кино.

12

Ты мог бы девяносто раз подряд смотреть «Харлоу» с Кэрролл Бейкер? – «Харлоу» (1965) – фильм Гордона Дугласа, одна из двух вышедших в том году кинобиографий звезды 1930-х годов Джин Харлоу (1911–1937), роль которой исполняла Кэрролл Бейкер (р. 1931).

13

«Хиросима, любовь моя» (1959) – знаменитый фильм Алена Рене по сценарию Маргерит Дюрас, в главных ролях Эммануэль Рива и Эйдзи Окада; лауреат нескольких премий, в т. ч. «Оскара».

14

«Прошлым летом в Мариенбаде» (1961) – знаменитый фильм Алена Рене по сценарию Алена Роб-Грийе, в главных ролях Дельфин Сейриг и Джорджо Альбертацци.

15

«Алчность» (1924) – знаменитый семи-с-половиной-часовой фильм Эриха фон Штрогейма, сокращенный студией до двух часов, экранизация романа Фрэнка Норриса «Мактиг» (1899).

«Великан» (1956) – драма Джорджа Стивенса, в ролях Элизабет Тейлор, Рок Хадсон, Джеймс Дин, Кэрролл Бейкер, Деннис Хоппер.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/rey-bredberi/polunochnyy-tanec-drakona-sbornik-kuipit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)